

Александра Анненская

Жорж Санд. Ее жизнь и литературная деятельность

Жизнь замечательных людей

Александра Анненская

**Жорж Санд. Ее жизнь и
литературная деятельность**

«Public Domain»

Анненская А. Н.

Жорж Санд. Ее жизнь и литературная деятельность
/ А. Н. Анненская — «Public Domain», — (Жизнь
замечательных людей)

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

Содержание

Введение	6
Глава I	8
Глава II	12
Глава III	17
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Александра Анненская Жорж Санд. Ее жизнь и литературная деятельность

Биографический очерк А. Н. Анненской

С портретом Ж.Санд, гравированным в Лейпциге Геданом

Введение

Жорж Санд принадлежит одно из почетнейших мест среди представителей французского романтизма. Ее литературная деятельность обнимает почти столетие. Начало этой деятельности совпадает с расцветом направления, явившегося на смену классического, конец – с торжеством натурализма.

Основной чертой французского романтизма был протест: во внешней форме – протест против псевдоклассицизма, против стеснительных правил поэзии, завещанных «образцовыми» писателями XVII века; во внутреннем содержании – протест против устарелых идей и вековых предрассудков. Этот дух протеста, – протеста во имя права человеческой личности на счастье и свободное развитие, – пронизывает все романы Жорж Санд.

«У Жорж Санд нет ни любви, ни ненависти к привилегированным сословиям, – пишет Белинский, разбирая один из ее романов, – нет ни благоговения, ни презрения к низшим слоям общества; для нее не существуют ни аристократы, ни плебеи; для нее существует только *человек*, – и она находит человека во всех сословиях, во всех слоях общества, любит его, сострадает ему, гордится им и плачет о нем. Но женщина и ее отношения к обществу, столь мало оправдываемые разумом, столь много основывающиеся на предании, предрассудках, эгоизме мужчин, – эта женщина наиболее вдохновляет поэтическую фантазию Жорж Санд и возвышает до пафоса благородную энергию ее негодования к легитимизированной насилием невежества лжи, ее живую симпатию к угнетенной предрассудками истине. Жорж Санд есть адвокат женщины, как Шиллер был адвокатом человечества».

Женщина представлялась ей страдающей под двойным гнетом и общественных предрассудков, и семейного деспотизма. Она не видела для нее возможности какой-либо общественной деятельности, активной борьбы против существующего зла, и главным мотивом, исчерпывающим всю ее жизнь, ставила любовь.

Любви Жорж Санд придает особое, идеальное значение. Любовь, по ее понятиям, не просто чувственная страсть, физическое стремление одного пола к другому, она заключает в себе божественную сущность, она тождественна вдохновению, религиозному экстазу. Поэтому она должна быть свободна, не может подчиняться никаким стеснениям. В этой независимости заключается ее культурное значение, так как она презирает все общественные предрассудки, уравнивает всех людей, объединяет их во имя высшего идеала. Противиться ей, бороться с нею – значит идти против воли Провидения. Естественным выводом из этого высокого понятия о любви являются все те антисемейные и революционные идеи, все те потрясения общественных устоев, которые приводили в ужас противников Жорж Санд.

Строгие моралисты вопили о безнравственности, о разрушении семьи; в ответ на это Жорж Санд говорила им: «Не нарушение супружеской верности делает женщину безнравственной, а ложь и обман». «Настоящая семья должна быть основана на взаимном уважении и честной искренности, а не на притворстве и лицемерии». «Та любовь, которая нас возвышает, которая внушает нам хорошие мысли и чувства, может быть названа благородной страстью, а та любовь, которая делает нас низкими, эгоистичными и мелочными, есть дурная страсть. Каждая страсть законна или преступна, смотря по тому, каковы ее последствия, хотя официальное общество, которое нельзя признать верховным судьей над человечеством, часто узаконивает дурную страсть и осуждает хорошую».

Романы Жорж Санд переносят нас в особый мир, где на первом плане стоят уважение к личности, геройское самоотвержение, страстная любовь, а все материальные интересы, все расчеты честолюбия, корыстолюбия и тщеславия представляются чем-то низменным и презренным. Напрасно стали бы мы искать в них точной копии окружающей нас жизни. Жорж Санд в принципе не стремилась к этой точности. «Задача художника, – говорит она, –

состоит в том, чтобы возбудить любовь к предметам, которые он изображает, и я не ставлю ему в вину, если он их несколько приукрасит. Искусство не есть изучение данной действительности, а искание идеальной правды».

Это искание правды, это стремление к идеалу составляют характерную черту французских романтиков. Окружающая действительность не удовлетворяла их, и они искали спасения в области свободного творчества. Герои их часто ходульны, чувства преувеличены, самый слог подчас напыщен, но идея, лежащая в основе их произведений, всегда заключает в себе нечто благородное, возвышенное. «Дайте романы Жорж Санд в руки юноше или молодой женщине, – говорит Золя, – они их сильно взволнуют: у них останется как бы воспоминание о каком-то очаровательном сновидении, и можно бояться, что после этого действительная жизнь покажется им скучной; они будут выбиты из колеи, готовы на всякие глупости и наивные выходки. Эти книги переносят в мир химер, а ведь в конце концов все-таки приходится роковым образом окунуться в действительность».

Золя прав: после того волшебного мира, который создают романтики-идеалисты, все пошрое, низменное в мире реальном кажется вдвое более пошлым и низким, а примирение с пошлостью вдвое более трудным. Романы Жорж Санд могут нарушить мирное равновесие в душе молодого читателя, возбудить недовольство окружающим строем, протест против установленных традицией правил. С этой точки зрения они представляют действительно опасное чтение, более опасное, чем произведения натуралистической школы, которая никогда не стремится раздвинуть рамки общепринятой морали, возвыситься над обыденными понятиями.

Виктор Гюго ставит себе в заслугу, что в своих произведениях он старался восстановить честь «шута, лакея, каторжника и проститутки». То же гуманное отношение к париям общества мы замечаем и у Жорж Санд. Она видит в каждом из обесславленных и обездоленных жертву печальных либо социальных условий, невежества и предрассудков общества, она умеет найти в нем живую человеческую душу и требует к нему не снисхождения и милосердия, а справедливости и уважения.

Глава I

Происхождение. – Бабка. – Отец. – Мать. – Взаимные отношения. – Первые годы жизни. – Смерть отца.

Псевдоним «Жорж Санд» пользуется такой широкой популярностью и в Европе, и у нас, в России, что настоящее имя писательницы, скрывающейся под ним, не всем известно. Аврора Дюдеван, урожденная Дюпен, происходила, с одной стороны, от кровных аристократов, с другой – от чистых плебеев. Ее отец был внуком известного Мориса Саксонского, побочного сына польского короля Фридриха-Августа, мать – дочь простых парижских рабочих. Эта двойственность происхождения отразилась на воспитании и развитии Авроры, а может быть, и на всем складе ее характера, ее убеждений. Неисправимая идеалистка с тонким артистическим вкусом, она своими симпатиями всегда принадлежала народу, демократии.

Детство и первая молодость Авроры прошли под влиянием бабки ее, незаконной дочери Мориса Саксонского, женщины умной, начитанной, много выдавшей и испытавшей на своем веку. Жизнь этой бабки сложилась при довольно исключительных условиях: под покровительством родни отца она получила воспитание в самом аристократическом учебном заведении того времени, в Сен-Сире, и 15-ти лет выдана была замуж за побочного сына Людовика XV, графа Горна, грубого солдата, проникнутого духом казарменной дисциплины. К счастью для жены-ребенка, брак этот был непродолжителен: через год граф был убит на дуэли. Избавившись от мужа, о котором она до конца жизни не могла вспоминать без содрогания, молоденькая графиня освободилась в то же время и от опеки своих высокопоставленных родственников. Она воспользовалась этой свободой, чтобы сблизиться с матерью, известной оперной актрисой Верьер, от которой аристократическая родня всеми силами удаляла ее. Девять лет прожила она под кровом г-жи Верьер, среди шумных светских и литературных развлечений. В салоне знаменитой певицы и звезды полусвета собирались деятели литературы и философы, велись свободные разговоры, подвергавшие беспощадной критике и остроумной насмешке все учреждения, весь строй современного общества. Молоденькая графиня с жадностью прислушивалась к этим разговорам и увлекалась идеями, воплотившимися впоследствии во французскую революцию. Ей минуло 25 лет, когда г-жа Верьер внезапно умерла, и молодая женщина осталась одинокой, без всяких средств к жизни. По понятиям того времени у нее оставалось два выхода – монастырь или новый брак. К монашеской жизни она не имела склонности, и потому с благодарностью приняла предложение богатого сборщика податей Дюпен де Франкеля. Г-ну Дюпену было уже 60 лет; это был добродушный, изысканно любезный щеголь и бонвиван XVIII века. Ни о какой «романической» любви между супругами не могло быть и речи, но они очень дружно и мирно прожили десять лет, называя друг друга не иначе как «папа» и «дочь моя». В первый же год после свадьбы у г-жи Дюпен родился сын Морис. На этом ребенке молодая женщина сосредоточила весь жар любви, который таился в ее сердце, не находя себе исхода. Она любила Мориса не только с материнской нежностью, но и с какой-то ревнивой страстностью. После смерти мужа, оставившего ей довольно значительное состояние, она поселилась в Париже и посвятила себя исключительно воспитанию сына. В помощники себе она взяла бывшего учителя коллегии Франсуа Дешартра, педанта, несколько узколобого ученого и малоискусного педагога, но человека высоко честного, рыцарски благородного, с самоотвержением привязавшегося и к своему ученику, и к его матери. Вспыхнула Великая французская революция. Г-жа Дюпен, подобно многим своим современникам, не могла примириться с осуществлением на практике тех самых идей, которые она так страстно приветствовала в теории. Кровавые драмы народных восстаний возбуждали ее отвращение. Большая часть ее состояния

погибла во время революционных смут; боясь лишиться остального, она купила имение Ноган¹ в Берри, а разные драгоценные вещи замуровала в стене своей парижской квартиры. Но вот Конвент издал декрет, запрещающий гражданам республики утайку драгоценностей; вследствие какого-то доноса у г-жи Дюпен произвели обыск, нашли спрятанные вещи, конфисковали их, а ее посадили в тюрьму. Началось следствие, допросы, квартиру опечатали, чтобы потом произвести в ней вторичный, более тщательный обыск. А между тем там хранились письма, полученные г-жой Дюпен от некоторых эмигрантов, друзей ее молодости. Письма эти могли стоить ей головы. Спасителем ее явился Дешартр. Он пробрался ночью к ее дому, осторожно снял печати с дверей, сжег все компрометирующие документы и затем снова наложил печати. Его помощником в этом опасном предприятии был 15-летний Морис. После этого никаких улик против г-жи Дюпен не оставалось, ее продержали месяцев десять в тюрьме и освободили. Она поспешила оставить Париж и поселилась вместе с сыном и его наставником в своем поместье, в Ногане.

Недолго ей пришлось наслаждаться спокойной жизнью. Начались наполеоновские войны, и Морис не мог усидеть дома. Как только издан был закон о поголовной мобилизации в 1798 году, он поступил в один из армейских полков и принял участие в итальянской кампании.

С беспокойной тоской следила мать за всеми перипетиями военных действий; любимый сын представлялся ее расстроенному воображению то убитым, то раненым, то изнывающим от трудов и лишений лагерной жизни. Молодой энтузиазм и военный пыл, которыми дышали его письма, не радовали ее, а только усиливали ее тревогу. И вдруг – ужасное известие: в битве при Гогенлиндене Морис взят в плен австрийцами и отправлен в Грац! Бедная женщина чуть с ума не сошла от горя и беспокойства. К счастью, плен продолжался недолго: через два месяца Морис получил свободу и возможность вернуться на родину. Но и тут сердце матери не могло успокоиться. Во время итальянского похода молодой человек страстно влюбился в одну красавицу-французенку, любовницу одного из высших офицеров, и в письме к матери сам откровенно признался ей в этой страсти. Мысль, что ее Морис стал жертвой какой-то лагерной искательницы приключений, не давала покоя г-же Дюпен. Каково же было ее негодование и отчаяние, когда вслед за Морисом, приехавшим провести несколько недель в Ногане, в соседний городок Шартр явилась сама красавица и открыто объявила себя его любовницей. Все демократические и либеральные убеждения г-жи Дюпен сразу исчезли, в ней проснулись инстинкты аристократки дореволюционного периода. Она осыпала упреками, чуть ли не проклятиями сына, и для избавления его от гнусной интриганки обратилась к содействию шартрской администрации. Мэр и один из муниципальных советников города попробовали явиться к красавице с официальным требованием об удалении из города, но она так пленила их своей красотой, грацией и искренним выражением своих чувств, что они перешли на ее сторону. Бедный Морис был между двух огней: с одной стороны, раздраженная мать, так много выстрадавшая из-за него и считавшая себя вправе получить от него вознаграждение за эти страдания, с другой – страстно любящая женщина, бросившая ради него бога того, знатного покровителя. Сердце молодого человека разрывалось. Чтобы выйти из затруднительного положения, он уговорил свою возлюбленную уехать в Париж, обещая вскоре последовать за нею, и сам остался на несколько недель в Ногане, уверяя мать, что навсегда расстался с Софьей. Г-жа Дюпен наполовину поверила ему, и когда он, под предлогом служебных обязанностей, уехал из Ногана, она просила своих друзей тайно следить за его жизнью и из их доносов узнавала, к своему великому огорчению, что любовная связь Мориса не прерывается, а, напротив, укрепляется все сильнее и сильнее.

¹ Современное написание – Ноан. (Ред.)

Софья-Виктория Антуанетта Делаборд была дочерью мелкого парижского ремесленника, сначала державшего маленькое кафе, а потом торговавшего чижами. Рано осталась она сиротой вместе со своей сестрой Люси. Люси зарабатывала себе пропитание шитьем, Софья поступила в какой-то маленький театр и пела в кафе-шантанах. Один раз, в самый разгар террора, она, не отдавая себе отчета, пропела подсунутые ей каким-то аббатом антиреволюционные куплеты, была арестована и посажена в тот самый английский монастырь, превращенный в тюрьму, в котором содержалась г-жа Дюпен. Обе женщины одновременно вышли из заключения, не подозревая о существовании одна другой и о том, что им еще придется сталкиваться на жизненном пути. Подробности последующей парижской жизни Софьи покрыты, что называется, мраком неизвестности; тот генерал, у которого Морис ее встретил, был не первым ее любовником, так как в Париже воспитывалась ее четырехлетняя дочь. Но, полюбив молодого Дюпена, она отдалась ему всем сердцем, без всякого сожаления бросила своего богатого покровителя, отказалась от всякой роскоши, мужественно переносила недостатки его бедной офицерской жизни, была ему верной, преданной женой. В 1804 году, чувствуя, что готовится стать матерью, она согласилась на его желание придать законный вид их связи, и они заключили гражданский брак. Вскоре после этого у них родилась девочка, которую Морис назвал в честь матери Авророй. Это и была будущая знаменитая писательница. Г-жа Дюпен пришла в страшное негодование, узнав, опять-таки от посторонних лиц, об этом решительном шаге сына. Она попыталась даже расторгнуть ненавистный ей брак, но, когда узнала, что это невозможно, принуждена была примириться с фактом. Она приехала в Париж, и тут наконец Морис признался ей во всем. Он явился к ней с девятимесячной Авророй на руках, она растрогалась, лаская красивого ребенка, простила сына и согласилась повидаться с его женой. Личное знакомство ясно показало ей, что Софья вовсе не была той безнравственной интриганкой, какой она ее считала. Чтобы окончательно упрочить мир с сыном, она к ней отнеслась вполне дружелюбно, а Софья, со своей стороны, зная, как муж горячо любит свою мать, как его мучила необходимость обманывать ее, старалась ласками и уступчивостью заслужить расположение свекрови. Через некоторое время отпразднован был церковный брак, и, по-видимому, полный мир водворился в семье.

Г-жа Дюпен возвратилась в Ноган несколько успокоенная за сына, а молодые супруги остались в Париже. Офицерское жалованье Мориса было невелико; мать, несмотря на все свое желание, не могла много давать ему. Его положение как адъютанта – сначала генерала Дюпона, а потом Мюрата – требовало значительных обязательных расходов, так что им приходилось вести очень скромную жизнь. Они помещались в маленькой квартирке, не держали прислуги, почти не заводили знакомств.

Маленькая Аврора начала очень рано помнить себя. Отец нежно любил и сильно баловал ее, но он часто бывал в разъездах по делам службы и участвовал в кампаниях 1805—1807 гг., так что почти совсем не мог заниматься ею. Она жила с матерью и старшей сестрой, оставаясь первые годы жизни исключительно под влиянием матери. Софья Дюпен, женщина необразованная, не имевшая понятия ни о каких педагогических теориях, воспитывала девочку без всяких мудрствований так, как ей подсказывал ее материнский инстинкт. Она кормила ее неприворотливыми кушаньями собственного приготовления, одевала так же просто и чисто, как была сама одета, убаюкивала бесхитростными народными песенками, развлекала волшебными сказками, заставляла заучивать и произносить молитвы, в которых девочка не понимала ни слова. Четырех лет Аврора выучилась читать и знала несколько басен Лафонтена. Воображение ее стало развиваться очень рано. Когда ей было года три, чтобы она не мешала матери работать и не напроказила, оставаясь одна в комнате, г-жа Дюпен, уходя в кухню, сажала ее в загородку из стульев, и это маленькое пространство превращалось для малышки в волшебное царство, которое она населяла созданиями своей фантазии. Сидя на низенькой холодной жаровне, заменявшей ей стульчик, она рассказывала

сама себе бесконечные сказки, в которых являлись феи, принцы, принцессы, в которых редко случались несчастья, все было светло и радостно.

Аврора неохотно играла со старшей сестрой и соседскими детьми в обыкновенные детские игры; ее любимой подругой была Клотильда, дочь ее тетки Люси, вышедшей замуж за отставного офицера. Маленький домик с садиком в предместье Парижа, где жила тетка, казался Авроре земным раем. В этом раю она вместе с Клотильдой изобретала игры, служившие как бы развитием ее сказок и открывавшие широкое поле ее фантазии. Девочки скакали на стульях, как на бешеных конях, изображали битвы, забрасывая пол лоскутьями и обломками игрушек; жалкие кустики сада представлялись им дремучими лесами, по которым они путешествовали, в которых они терялись и подвергались разным опасностям; преследуя друг друга, они, дрожа от страха, прятались за занавесью кровати и увлекались так, что доходили до настоящих галлюцинаций. Когда голоса старших возвращали их к действительности, они долго не могли прийти в себя и вспомнить, где они.

В 1808 году Морис Дюпен как адъютант Мюрата должен был принять участие в испанском походе. Непрерывные отлучки любимого мужа надоели Софье, которая к тому же была сильно ревнива, и, несмотря на свою беременность, она решила отправиться к нему в Мадрид, оставив старшую дочь на попечение сестры и взяв с собой младшую – Аврору. Путешествие по стране, опустошенной войной и враждебно настроенной против французов, представляло большие трудности; тем не менее они благополучно добрались до Мадрида, и маленькой Авроре показалось, что она перенеслась в волшебный мир своих сказок. Французский главнокомандующий и его свита поселились во дворце, покинутом королевской фамилией, девочка бегала по раззолоченным залам и великолепным террасам, играла игрушками, оставленными королевскими детьми, танцевала болеро перед громадными зеркалами, одевалась то испанкой, то маленьким офицером, считала Мюрата, поразившего ее блеском своего парадного мундира, сказочным героем, принцем Фанфаринетом.

Два месяца прожили они в этой роскошной обстановке; в это время у Софьи родился мальчик, слабенький и слепой, а раздражение испанцев против французов возросло до такой степени, что дальнейшее пребывание в Мадриде грозило серьезной опасностью. Мюрат получил новое назначение: он должен был отправиться в Неаполь и занять там вакантный престол. Морис отпросился в отпуск, решив провести вместе с семьей несколько недель в Ногане. Обратный путь из Испании представлял целый ряд мучений. Путешественникам приходилось проезжать мимо полей сражений, покрытых ранеными и убитыми, по опустошенным полям, полуразрушенным городам и выжженным деревням; они страдали от жары, от голода и жажды; у Авроры сделалась сильнейшая лихорадка и чесотка, новорожденный был еле жив. Ноган показался им земным раем после всех злоключений дороги. Благодаря разумному и нежному уходу бабушки Аврора через несколько дней совершенно оправилась, но мальчик вскоре умер. Эта смерть сильно огорчила и Софью, и ее мужа, но семью ждало новое несчастье. Морис поехал в гости к знакомым на очень горячей лошади, подаренной ему принцем Астурийским. На обратном пути лошадь чего-то испугалась, сбросила его на гряду камней, и он расшибся до смерти.

Глава II

Семейные несогласия. – Воспитание. – Игры. – Товарищи. – «Корамбе». – Мечты. – Горести.

Общее горе на время сблизило старую и молодую Дюпен, но сближение между двумя столь несходными натурами не могло быть прочным. По словам Жорж Санд, они представляли «два крайних полюса женского типа. Одна – белокурая, серьезная, спокойная, настоящая саксонка благородной расы, с манерами, исполненными достоинства и благосклонного покровительства; другая – брюнетка, бледная, пылкая, неловкая и робкая в светской гостиной, но всегда готовая на меткое словцо, когда смешная претензия возбуждала ее сарказм, на бурную вспышку, когда ее чувство было затронуто; натура испанки – ревнивая, страстная, вспыльчивая и слабая, злая и добрая в одно и то же время». Старая г-жа Дюпен принадлежала к образованнейшим и начитаннейшим женщинам своего времени, высоко ценила умственное развитие, разделяла философские воззрения энциклопедистов, на религию смотрела с точки зрения Вольтера, своего любимого писателя. Софья была женщиной совершенно необразованной, но в высшей степени талантливой. Самоучкой, не имея никакого понятия о грамматике, она выучилась правильно писать, очень недурно рисовала, прелестно пела, была мастерица на всякие ручные работы. Никогда не задумывалась она ни над религиозными, ни над социальными вопросами; она была верующей непосредственно, по-детски, без всякой примеси ханжества, и демократка по понятиям, унаследованным от семьи, при вшитой обстановкой ранней молодости.

Г-жа Дюпен любила спокойную, правильную, однообразную жизнь и уединение Ногана, – уединение, прерываемое лишь изредка посещениями ее старых аристократических друзей, обломков дореволюционной Франции; Софья вечно жаждала перемены, движения, обожала Париж с его постоянной сутолокой, осыпала едкими сарказмами «старых графинь». К этой противоположности инстинктов и стремлений, которая сама по себе неизбежно должна была вызывать столкновения, присоединилась еще борьба обеих женщин за обладание сердцем сначала Мориса, потом маленькой Авроры. Обе они сильно любили девочку, но проявления этой любви были совершенно различны. Софья относилась к ребенку со своей обычной страстностью и непосредственностью. Она нежно ласкала ее, старалась доставлять ей всякие удовольствия, входила в ее детские интересы и – сама во многих отношениях ребенок – без всякой предвзятости восхищалась вместе с нею и красивым цветком, и нарядной выставкой в окне магазина, и каким-нибудь игрушечным гротом из блестящих камешков. Скептицизм Парижа не разрушил в ней наивных верований женщины из народа, и она не спешила разрушать иллюзии, какие создавало пылкое воображение девочки, не спешила разубеждать ее в существовании разных фей, гениев, рождественского старика, приносящего детям подарки, и т. п. Но, с другой стороны, вспыльчивая и раздражительная, она не стеснялась в проявлении и этих чувств. Когда какая-нибудь детская шалость, непослушание или каприз Авроры возбуждали ее гнев, она кричала на девочку, осыпала ее бранью и упреками, а иногда очень больно била. Успокоившись через несколько минут и спохватившись, что зашла слишком далеко, она бросалась к обиженному ребенку, хватала ее на руки, покрывала поцелуями, просила у нее прощения, и Аврора, забывая обиду и боль побоев, отвечала со страстной нежностью на эти ласки и обожала мать.

Г-жа Дюпен видела в Авроре живой портрет своего дорогого Мориса и перенесла на нее весь остаток своей материнской любви. Ее чувство было, может быть, более глубоко, чем чувство ее невестки, но она была слишком спокойна и не экспансивна, чтобы найти отклик в сердце ребенка. Г-жа Дюпен терпеливо занималась ее образованием, разумно заботилась о ее здоровье, давала на все ее вопросы ясные и вразумительные ответы, никогда не бранила и

не наказывала ее, все свои выговоры ей делала всегда тихим, кротким голосом, – а между тем Аврора боялась ее гораздо больше матери, долго чуждалась ее и чувствовала к ней скорее уважение и благодарность, чем настоящую детскую любовь.

Г-жа Дюпен хотела взять воспитание девочки исключительно в свои руки, обещала дать ей хорошее образование, сделать ее наследницей всего своего состояния, а Софье обязывалась выдавать небольшую пенсию, на которую она могла бы жить в Париже со своей старшей дочерью. Софью тянуло в Париж, где она могла устроить себе жизнь по своему вкусу, но для нее было слишком тяжело расстаться с Авророй, оставить ее на руках нелюбимой свекрови. Она, конечно, могла бы увезти с собой девочку и приучить ее к бедной мещанской обстановке, но она боялась этим испортить всю ее жизнь, лишит ее и средств для получения образования, и обеспеченной будущности. Три года продолжались ее колебания, и эти колебания, переговоры и пререкания не могли не внести своей доли горечи в отношения между свекровью и невесткой.

Маленькая Аврора была невольной свидетельницей борьбы, которая велась из-за нее, и не могла относиться к ней безучастно, хотя не вполне понимала, в чем дело. Ее детскому уму представлялись, с одной стороны, большие красивые комнаты Ногана и хотя и добрая, но довольно страшная бабушка, с другой – маленькая уютная парижская квартирка, миленькая сестрица Каролина, баловавшая ее в раннем детстве, и страстно любимая мать; все ее симпатии естественно склонялись ко второму, и она всей своей маленькой душой ненавидела деньги, «за которые ее хотели продать». Пришлось постепенно приучать ее к разлуке с матерью. Переселившись в Париж, Софья несколько раз приезжала гостить в Ноган, г-жа Дюпен возила девочку в Париж; но Аврора до конца не могла примириться с тем, как взрослые распорядились ее судьбой, и таила в глубине сердца осадок горечи против бабушки, самовластно разлучившей ее с матерью и сестрой.

Эта горечь отравляла детские годы Авроры, которые без этого могли бы считаться вполне счастливыми. В Ногане она пользовалась почти полной свободой и обществом своих сверстников – детей соседей-помещиков и крестьян близлежащей деревни. Постоянными товарищами ее были: сводный брат Ипполит, незаконный сын Мориса и какой-то служанки, воспитывавшийся у г-жи Дюпен, и маленькая крестьянская девочка Урсула, взятая в дом для компании ей, веселая, живая болтушка, очень умненькая и в то же время большая упрямца, ни в чем не уступавшая барышне и не позволявшая ей властвовать над собой. С Урсулой Аврора предавалась своим любимым играм – сказкам, дававшим полную волю ее воображению; с Ипполитом, который был на 5 лет старше девочек, она проделывала разные шалости и проказы, приводившие в ярость и отчаяние старого Дешартра, занимавшего в доме двойную должность: управляющего имением г-жи Дюпен и учителя детей.

До 8-ми лет Аврора училась чтению и письму у матери, но затем, когда Софья уехала в Париж, она стала брать уроки у Дешартра вместе с Ипполитом. Ее учили французской грамматике и версификации, латинскому языку, арифметике, давали ей некоторые отрывочные сведения из географии, истории и ботаники. «Все эти уроки казались мне в высшей степени скучными, – пишет Жорж Санд в своей автобиографии, – и я совершенно не понимала, для чего мне были нужны эти знания. Никто не говорил мне, что образование делает человека лучше и разумнее; считалось, что надобно учиться, чтобы не прослыть невеждой, чтобы уметь поддерживать разговор с образованными людьми, чтобы читать книги, стоявшие в шкафу, и этим путем отчасти разгонять скуку деревенской жизни. Все подобные соображения казались мне совершенно неубедительными, и я училась исключительно в угоду бабушке, покорно, добросовестно заучивала уроки, но не находила в них никакого интереса». Единственным предметом, увлекавшим девочку, была история, которую ей преподавали не как науку, а как сборник анекдотов и рассказов о богах и героях древнего мира.

Пылкая фантазия переносила ее в древнюю Элладу или на берега Тибра, и она сама себе дорисовывала картины, слегка намеченные в учебниках. Г-жа Дюпен, заботившаяся о том, чтобы у ее внучки выработался правильный, изящный слог, заставляла ее делать компиляции и письменные пересказы прочитанного. Аврора с удовольствием занималась этими упражнениями и, не стесняясь, добавляла и украшала факты, заимствованные из книг, собственными соображениями и созданиями собственной фантазии. Г-жа Дюпен, бывшая в молодости прекрасной музыкантшей, стала очень рано учить ее игре на фортепьяно и передала ей свою любовь к музыке, свое понимание этого искусства. Позднее, когда место бабушки занял бездарный учитель, заботившийся главным образом о развитии беглости пальцев, девочка и к этим урокам потеряла всякую охоту; она механически исполняла то, что требовал учитель, а в утешение себе пела и играла на фортепьяно импровизации собственного сочинения, когда никто ее не слышал.

Обязательные занятия отнимали у Авроры часа два-три в день; все остальное время она была предоставлена самой себе, свободно бегала, резвилась и гуляла как в парке, так и в окружающих его полях, лесах и виноградниках. Она пасла гусей с маленькими птичницами, овец и коз с пастушками, сгребала сено на лугах, помогала бедным женщинам собирать колосья на полях во время жатвы и сухие прутья в лесу. Она лазила через заборы, перескакивала через рвы и канавы, с наслаждением скатывалась с высоких стогов соломы, с бьющимся сердцем слушала все сказки и поверья крестьян. Она предавалась всем детским забавам с увлечением здорового ребенка, но ни они, ни скучные уроки не удовлетворяли ее вполне, не наполняли всей ее жизни. У нее был свой внутренний мир, населенный грезами ее фантазии и недоступный никому из окружающих. Маленьким ребенком она старалась воплощать этот фантастический мир в своих играх; становясь старше, она мысленно сочиняла бесконечно длинные романы и поэмы. Одиннадцати лет она прочла «Илиаду» и «Освобожденный Иерусалим». Обе эти книги произвели на нее сильное впечатление. Несколько дней жила она полностью под обаянием этих поэм, мысленно продолжая их, придумывая новые комбинации отношений между героями. Но, кроме эстетического наслаждения, они вызвали в ней и сильную потребность в религиозном чувстве. Ее религиозным воспитанием никто не занимался. В раннем детстве мать заставляла ее механически повторять слова молитвы и говорила ей о Св. Деве, об ангелах, оплакивающих грехи мира, но эти священные образы сливались в ее представлении с образами фей и добрых гениев. Г-жа Дюпен находила преждевременным внушать свой скептицизм ребенку и в то же время старалась оградить ее от суеверий, развивать в ней трезвый, рассудочный взгляд на мир. Ей давали читать мифологию вместе со Священной историей и предоставляли по собственному усмотрению верить во всех богов или не верить ни в одного; она не верила, а между тем, говорит она в своей автобиографии, «мне нужен был идеал, нужен был Бог, которого я могла бы поставить во главе Вселенной, во главе идеализированного человечества. Великий творец Иегова, великий фатум Юпитер не удовлетворяли меня. Евангелие и божественная драма жизни и смерти Христа заставляли меня втайне проливать потоки слез. Иисус Христос представлялся мне существом совершенным, превосходящим все прочие, но христианская религия запрещала любить философов, богов, святых древности, а это стесняло меня. Мне нужны были „Илиада“ и „Иерусалим“ вместе». Она решила создать себе свою собственную религию. «Я не верю в свои сказки, но они доставляют мне столько удовольствия, как будто бы я в них верила. К тому же если иногда мне и случится поверить, никто этого не узнает, никто не станет со мною спорить и доказывать мне, что я ошибаюсь», – рассуждала она. И вот однажды ночью ей представился образ и имя. Имя это ничего не значило, это было случайное сочетание слогов – «Корамбе»; но это стало заглавием ее романа, именем ее Бога, той формой, в которую она долгое время облекала свой религиозный идеал. «Корамбе, – рассказывает она, – был чист и милосерден, как Иисус, лучезарен и прекрасен, как Гавриил, обладал грацией нимф и поэзией Орфея.

Он не имел пола и являлся мне то в образе женщины, то в образе мужчины. Я наделяла его всеми атрибутами физической и нравственной красоты, даром красноречия, всемогущей силой искусств, в особенности силой музыкальной импровизации; я хотела любить его как друга, как сестру, и в то же время чтить, как Бога. Я не хотела бояться его, и потому решила, что он должен иметь какую-нибудь человеческую слабость; я искала, какая из этих слабостей может примириться с его совершенством, и нашла, что скорей всего излишняя доброта и снисходительность. Это мне очень понравилось, и существование Корамбе разворачивалось в моем воображении целым рядом испытаний, страданий, мученичества. Я называла книгой или песней каждую фазу его воплощения, так как он становился мужчиной или женщиной всякий раз, когда касался земли, и иногда веровное, всемогущее божество, назначившее его правителем нравственного мира нашей планеты, удлиняло срок его изгнания среди нас в наказание за его излишнюю любовь и снисходительность к нам. В каждой из этих песен (в моей поэме их было до тысячи, хотя ни одна не была написана) целый мир новых личностей группировался вокруг Корамбе. Все они были добрыми. Злые люди никогда не появлялись на сцене, их присутствие выражалось лишь в картинах бедствий и разрушений, причиняемых ими. Корамбе постоянно всех утешал, все восстанавливал. Он являлся мне среди пленительных красот природы, окруженный грустными и нежными существами, которых он очаровывал словом и пением, которые рассказывали ему о своих страданиях, которых он возвращал к счастью путем добродетели. Сначала я отдавала себе отчет в своем творчестве, но через некоторое время уже не я владела предметом, а он мною. Мои грезы доходили до степени полных галлюцинаций, уносивших меня далеко от реального мира».

Аврора не довольствовалась одними грезами, она создала нечто вроде культа своему Корамбе. Она отыскала в парке Ногана маленькую лужайку, окруженную чащей толстых деревьев и густых кустарников, куда до тех пор не ступала ни одна нога, не проникал ни один взгляд человеческий. Там она устроила из разноцветных камешков, мха и раковин нечто вроде жертвенника, украсила его гирляндами и букетами цветов и приносила на нем своему Корамбе жертвы; жертвы эти состояли в том, что она ловила птичек, маленьких зверьков, насекомых, запирала их в ящичек и потом выпускала на волю в честь бога любви и свободы.

Мысль о Корамбе всюду преследовала ее. Лежа вечером в постели, гуляя одна в аллеях парка, помогая своим деревенским подругам в их работах или чинно сидя в гостиной бабушки, она добавляла новые и новые песни к своему произведению, черпая материал для них то из прочитанной книги, то из услышанного разговора, то из какого-нибудь мелкого события окружающей жизни. Так как уроки отнимали у нее очень мало времени, то она часто проводила целые часы в бездействии и мечтательности.

Кроме фантастических грез вроде Корамбе, ее занимала мечта, имевшая более реальную подоплеку, — мечта жить с матерью, которую она не переставала страстно любить. Чем старше она становилась, тем более мучительно действовали на нее расставанья после всякого свиданья с матерью в Ногане или в Париже, тем более угнетала ее мысль, что ради каких-то практических расчетов она разлучена с самыми дорогими, близкими людьми. «Неужели вы хотите вернуться на свой чердак и есть одни бобы?» — сказала ей один раз горничная ее бабушки, думая образумить ее. И с этих пор этот чердак, эти бобы стали любимой мечтой девочки, а Ноган представлялся ей каким-то местом ссылки.

Мечтательность особенно развилась в девочке, когда ей было лет 12—13. В это время ее любимая подруга Урсула не жила с нею, брат ее Ипполит, уже 17-летний юноша, поступил на службу в полк, г-жа Дюпен стала сильно прихварывать, не могла много заниматься ею и проводила целые часы, иногда даже дни, запершись у себя в комнате. Аврора была предоставлена самой себе и находилась в значительной степени в зависимости от прислуги, которая, пользуясь болезнью хозяйки, распоряжалась в доме самовластно. Нянька, приставленная к девочке матерью и очень привязанная к ним обоим, тем не менее обращалась с нею

крайне грубо, бранила, зачастую даже била ее; доверенная горничная ее бабушки подглядывала и подслушивала за нею, наущничая на нее своей барыне. Дешартр надоедал ей скучными уроками, не умея дать ее уму той пищи, какая требовалась. Всякая домашняя неприятность усиливала желание девочки вернуться к матери, и это страшно мучило г-жу Дюпен. Она чувствовала, что существо, на котором она сосредоточила весь остаток своей привязанности, не отвечает ей взаимностью, что Софья отняла у нее и это сердце так же, как сердце ее Мориса; с другой стороны, предубеждения ее против невестки ни в коей мере не исчезли; она искренно считала, что отпустить девочку к матери – значит погубить ее.

Чтобы одним ударом вырвать из сердца Авроры любовь к матери и желание жить с нею, она придумала жестокое средство. После одной из вспышек девочки она позвала ее к себе и дрожащим от волнения голосом рассказала ей историю ее матери так, как знала и понимала ее сама, – историю женщины, с 14-ти лет брошенной в круговорот парижской жизни, в жертву нищете и разврату, без поддержки, без средств к честному существованию. «Твоя мать, – погибшая женщина, – закончила она, – а ты – ос лепленный ребенок, стремящийся броситься в бездну!»

Девочка в своей невинности не вполне понимала, в чем обвиняли ее мать и какие опасности грозили ей самой; но сама таинственность этих обвинений и опасностей произвела на нее потрясающее действие. Ей сказали, что ее обожаемая мать опозорена, и она чувствовала, что этот позор падает и на нее; перед ней открыли мрачные стороны жизни, и светлый мир ее идеалов вдруг погас. Все мечты ее сразу исчезли, ее Корамбе улетел, жизнь представлялась ей какой-то страшной, таинственной загадкой, в которую ей не хотелось заглядывать. Она стала жить машинально одним днем, ни о чем не мечтая, ничего не желая; когда она оставалась одна, ее осаждали разные мрачные мысли, и, чтобы избавиться от них, она принимала участие в самых буйных шалостях деревенских детей. Она не старалась ни угождать бабушке, ни избегать упреков и приводила в ужас домашних необузданностью своих манер, грубостью ухваток, дерзостью ответов, нелепостью своего времяпрепровождения. Г-жа Дюпен с болью в сердце видела, что не в состоянии сделать из нее благовоспитанную, образованную барышню и решила отдать ее на несколько лет в монастырь, где она пользовалась бы уроками хороших наставниц и в то же время отвыкала бы от деревенской грубости и неукротимости.

Глава III

Монастырь. – Снова в Ногане. – Чтения. – Романтический пессимизм. – Сплетни. – Болезнь и смерть бабки.

Учебное заведение, куда поместили Аврору, был тот самый английский монастырь, который во время революции был превращен в тюрьму и служил местом заключения для ее бабушки и матери. При Реставрации ему было возвращено его прежнее назначение. Это был монастырь, основанный англичанками-католичками, переселившимися во Францию во времена Кромвеля. Настоятельница, сестры и большая часть воспитанниц были англичанки или ирландки; впрочем, и французские аристократы охотно помещали туда своих дочерей. Конечно, монастырь не давал своим воспитанницам широкого или основательного образования, но об этом никто и не заботился в то время. Молодые девушки обучались религии и нравственности, брали уроки английского языка, музыки, пения, рисования, танцев, литературы и истории, главным же образом они проводили опасные годы «первой молодости» вдали от света, в обществе и под надзором тихих, богобоязненных монахинь, и родители были вполне довольны, не желали ничего лучшего.

Новая обстановка, резко отличная от прежней, благотворно подействовала на Аврору. Дисциплина школьной жизни, общество подруг, детские шалости и интересы, – все это отвлекало ее от мечтательности и от тех недетских вопросов, над которыми она мучилась в Ногане. По монастырскому уставу, воспитанницы имели право отпуска к родным только два раза в месяц. Г-жа Дюпен потребовала, чтобы девочка не ходила к матери: она покорилась, но объявила, что в таком случае не станет ходить и к родным отца. Благодаря этому она в течение трех лет только два раза воспользовалась правом выхода за монастырские стены во время приездов г-жи Дюпен в Париж. Это затворничество не тяготило ее, напротив, она с первых же дней вполне отдалась школьной жизни и ее интересам. Воспитанницы заведения разделялись на три категории: умницы (*les sages*) – благонравные, прилежные, благочестивые девочки, соблюдавшие все монастырские правила; дьяволы (*les diables*) – лентяйки, шалуньи, тайно и явно нарушавшие предписания начальства; и глупые (*les bêtes*), не пристававшие ни к одной из первых категорий, смеявшиеся проказам «дьяволов», смиренно опускавшие глаза перед начальством и при всякой опасности спешившие заявить: «Я не виновата».

Аврора с первых же дней примкнула к «дьяволам» и приняла самое деятельное участие во всех их проказах и затеях. Одной из затей, особенно увлекавших шалуней, было «отыскивание жертвы». Среди пансионерок монастыря существовала легенда, что где-то в подземельях или замурованная в одной из толстых стен обители томится какая-то узница или даже несколько узниц. И вот «дьяволы» – и в числе их Аврора – пользовались всяким случаем улизнуть из класса или из-под надзора своих воспитательниц и, вооружившись лопатами, щипцами, палками, отправлялись разыскивать таинственную затворницу. Они спускались в погреба и старались открыть какую-нибудь заложенную дверь, рыли ход под полуразвалившейся стеной часовни, с опасностью для жизни карабкались на крыши, чтобы заглянуть в слуховые окна, и т. п.

Целый год Аврора приводила в отчаяние всех учительниц и надзирательниц своей леностью, непослушанием, равнодушием к выговорам и наказаниям. Потом, совершенно неожиданно для всех окружающих, с ней произошел крутой переворот. Она стала всматриваться в образа, висевшие в церкви, вид молящихся монахинь приводил ее в умиление, она попробовала читать Евангелие и вот раз вечером случайно зашла в церковь. Тишина и таинственный полумрак храма произвели на нее потрясающее впечатление. Ей показалось, что чей-то голос прошептал над ее ухом те же слова «*tolle, lege*», которые слышал во время

молитвы Св. Августин; ею овладел религиозный экстаз, она опустилась на колени и долго молилась без слов, со слезами, с рыданиями, вся охваченная чувством веры. С этой минуты исчез весь религиозный индифферентизм, привитый ей бабушкиным воспитанием, и она отдалась религии со всем увлечением страстной натуры. «Лето прошло для меня в полном блаженстве, – говорит она в своих записках. – Я причащалась каждое воскресенье, иногда два дня сряду. Я ни о чем не раздумывала и мне приятно было не думать. Я буквально пламенела, как Св. Тереза; я не спала, не ела; я ходила, не замечая движений своего тела; я налагала на себя разные лишения и это не было подвигом, так как я их не чувствовала. Никакой пост не казался мне тяжелым; вместо власяницы я носила на шее филигранные четки, которые царапали меня до крови, и это доставляло мне удовольствие. Я находилась в постоянном экстазе, тело мое стало нечувствительным, оно как бы перестало существовать для меня». Все детские шалости, все «дьявольство» было забыто, она стала кротка, послушна, благо-разумна. Только уроки, к которым она до тех пор относилась небрежно из духа непокорности, теперь окончательно опротивели ей. Она решила, что посвятит себя Богу, что непременно примет монашество, и ввиду этого танцы, музыка, история казались ей занятиями совершенно бесполезными. Целый год продолжалось это мистическое настроение девочки, но в конце концов оно пагубно отразилось на ее здоровье. Она стала страдать бессонницей, отсутствием аппетита, спазмами желудка, сделалась слабой, вялой. Молитва ее потеряла прежнюю горячность, на нее нападали припадки тоски и уныния, во время которых она уверяла себя, что благодать Господня покинула ее; она плакала, каялась, но это не помогало ей, а только увеличивало ее болезненное состояние. К счастью, духовником ее был добрый, в высшей степени разумный старичок-аббат. Он понял настоящую причину страданий девочки и нашел средство излечить ее. Он потребовал, чтобы она бросила все свои аскетические подвиги, чтобы она по-прежнему принимала участие в играх и невинных забавах подруг. «Будьте веселы, – говорил он ей, – чтобы все видели, что вера дает счастье; будьте приятны людям, чтобы сделать приятным то учение, которое вы исповедуете».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.